

I. Первое ранение

Эх, дороги... Пыль да туман,
 Холода, тревоги, да степной бурьян.
 Выстрел грянет, ворон кружит:
 Твой дружок в бурьяне неживой лежит...

Лев Ошанин

Каждый год с наступлением сентября меня охватывает щемящее чувство тревоги, тоски, и хотя прошло уже более 60 лет, боль по утраченному, по бессмысленно погибшим товарищам, продолжает ощущаться до сих пор.

А шестьдесят лет назад к этому прибавлялась еще и физическая боль в руке, пробитой осколком. Вдобавок я застудил ее, «купаясь» в реке. Осколок величиной с горошину перебил нервы, и все пальцы, кроме мизинца, потеряли чувствительность. Позже меня много раз проверяли не симулянт ли я, кололи иголкой и даже прижигали пальцы сигаретой – я их не чувствовал. Большой и указательный пальцы не восстановили чувствительность и до сих пор...

Я не собирался писать «военных мемуаров». Моя военная карьера не представляет никакого интереса и хвастаться мне нечем, ведь моя история с пленением сорок последующих лет ставилась мне в укор, и только настойчивые просьбы товарищей заставили меня взяться за перо... Когда я начинал записывать свои воспоминания, думал, что опишу только первые месяцы войны. Так вышло, что они выросли в документальную повесть, все события и действующие лица в ней подлинные и описаны в хронологическом порядке. Немногие дожили до сего дня, ведь я рассказал о своих ровесниках, то есть о солдатах 1921-23 годов рождения. Их по статистике осталось в живых два-три человека из ста. К примеру, из нашей группы в 14 человек, переведенных в Киев за двенадцать дней до начала войны, в живых остались только двое: Кишкин В.Г. и Наседкин П.С.